

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

**Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности**

Издательство Томского университета
2015

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71
Ч392

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Д.А. Функ*,
д-р ист. наук *Л.В. Дериглазова*,
д-р ист. наук *И.В. Нам (отв. ред.)*,
д-р ист. наук *О.А. Харусь (отв. ред.)*,
к.и.н. *Г.Н. Алишина, А.А. Рассказчикова*

Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной
Ч392 адаптации в истории и современности: Сб. науч. ст. – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-7511-2366-6

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных по материалам международной междисциплинарной научной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования», проходившей в Томске 14–15 октября 2014 г. Статьи посвящены анализу проблем идентичности в различных ее проявлениях и формах репрезентации в условиях глобальных социальных потрясений XIX–XXI вв.

Для широкого круга читателей – историков, антропологов, этнологов, политологов, социологов и всех, интересующихся проблемами идентичности и социальной адаптации человека в России и в мире.

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П-220 (договор № 14.В25.31.0009) и Научного фонда им. Д.И. Менделеева

ISBN 978-5-7511-2366-6

© Коллектив авторов, 2015
© «Национальный исследовательский
Томский государственный университет», 2015
© Лаборатория
социально-антропологических исследований, 2015

В.В. Агеева

**«НЕИЗБЫВНОЕ БРЕМЯ ПОСТСОЦИАЛИЗМА»:
ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ
РОССИЕВЕДЕНИИ 1990–2010-х гг.¹**

Исследование национальной идентичности современного российского общества является одним из наиболее интенсивно разрабатываемых направлений западного россиеведения. К началу XXI в. в англоязычном россиеведении сформировалась солидная историографическая традиция изучения национальных идентификационных практик советской и постсоветской России. В 1990–2010-е гг. вышло в свет значительное количество фундаментальных британских и американских исследований, посвященных не только национально-государственной, региональной и гендерной российской идентичности, но и сравнительному анализу социокультурных репрезентаций национальной идентичности в советском и постсоветском обществе. Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития англо-американской историографии 1990–2010-х гг., посвященной вопросам национальной идентичности российского общества. Результатом исследования является определение ведущих методологических подходов и новаторских предметных полей в англо-американских исследованиях российской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, россиеведение, историография, национальное самосознание, постсоветское пространство, методология истории.

Введение. Начиная с 1990-х гг. отечественная историческая наука решает задачу освоения масштабной историографической традиции Russian Studies, лидирующие позиции среди которых занимает англоязычная научная продукция. Существенные трансформации, которым подвергся образ России в американском россиеведении 1990–2000-х гг., нивелирование влияния тоталитарной теории и обращение к конкретно-историческим проблемам российской культуры и общества обусловили популярность в современной американской историографии вопросов, связанных с национальными идентификационными практиками постсоветской России. Внушительное количество фундаментальных работ в области трансформаций национальной идентичности, посвященных постсоветскому обществу

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 12-06-33018 мол_а_вед (соисполнитель).

и составивших корпус историографических источников данного исследования, неизвестны широкому кругу российских читателей, до сих пор не переведены на русский язык (e.g. Stacraft, Rowland 2003; Franklin, Widdis 2006; Gender 2006; Pilkington 1996; Rebounding... 2006). В первую очередь, неоправданно низким и избирательным является интерес отечественных исследователей к научной продукции последнего десятилетия (e.g. Balistreri 2013; Bouveng 2010; Marsh 2013). В этой связи представляется актуальным расширение и систематизация знаний о методологических новациях и ведущих тематических векторах, предложенных англоязычными Russian Studies в сфере исторических метаморфоз и современного состояния российской национальной идентичности.

Отечественная историография зарубежных Russian Studies, посвященная проблемам современной российской идентичности, сконцентрирована преимущественно на работах 1980–90-х гг. Попытки синтезировать западный опыт изучения коллективной идентичности российского общества активно предпринимались в 1990-е – первой половине 2000-х гг. (см., напр.: Лаптева 2004; Шашина 1993), в то время как второе десятилетие XXI в. характеризуется узкоспециальным, прикладным интересом российских авторов к изысканиям Russian Studies в данной области, созданием кратких аналитических обзоров без комплексного анализа методологических парадигм. На сегодняшний день не создано обобщающих работ, посвященных анализу причин и последствий изменений, произошедших в российской национальной идентичности в постсоветскую эпоху. Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития англо-американской историографии 1990–2010-х гг., посвященной проблемам национальной идентичности российского общества. Привлечение «взгляда со стороны» – опыта англо-американского россиеведения – позволит ответить на целый ряд вопросов, как правило, остающихся вне исследовательских приоритетов российских авторов: каковы взаимосвязи трансформаций и репрезентаций гендерной и национальной идентичности в современной России? Насколько успешными и долговременными можно считать современные политические стратегии по конструированию адекватной национальной идентичности? Каковы перспективы диалога зарубежного и отечественного россиеведения в изучении российской национальной идентичности? Новизна результатов исследования определяется выявлением ведущих методологических подходов и новаторских предмет-

ных полей в англо-американских исследованиях российской национальной идентичности 1990–2010-х гг.

«Бесконечные тревоги» бесконечного постсоветского периода. Первая половина 2000-х гг. в британском и американском руссееведении ознаменовалась появлением целого ряда солидных исследований по вопросам формирования и исторического развития российской национальной идентичности (e.g. Duncan 2005; Engelstein 2001; Forest, Johnson 2002). Отличительной чертой западных работ начала XXI в., посвященных постсоветской национальной идентичности, стала все более настойчивая констатация невозможности преодолеть кризисное, «постсоциалистическое» состояние национальной идентичности, конъюнктурная апелляция к переходности социально-экономических и политических процессов (Chari, Verdery 2009: 6–9). Подобное «застревание» на «пост»-идентичности, официальный дискурс которой на сегодняшний день насчитывает уже более двадцати лет, было наиболее удачно обозначено М. Лайт в 2003 г. как «неизбывное бремя постсоциализма» («inescapable post-socialism burden»), подразумевающее необходимость многократных возвратов к вопросам коллективной идентичности на постсоветском пространстве, национальной самоидентификации русскоязычного населения стран ближнего зарубежья, отношения к общесоюзному наследию и т.д. (Light 2003: 56).

Идейно-политический вакуум, образовавшийся после распада СССР и дискредитации марксистско-ленинской идеологии, на протяжении 1990-х гг. затруднял осмысление и артикулирование внешнеполитических приоритетов. Изъятие стабильной идеологической составляющей из официального дискурса власти усугубляло кризис идентичности: внешнеполитические концепции, выдвигавшиеся в 1990-е гг., не содержали ни описания прошлого как предмета общей гордости, ни плана идеального будущего, ни четкой характеристики средств, необходимых для достижения внешнеполитических целей России (Light 2003: 54–56; Bouveng 2010: 256–276). К концу 2000-х гг., на первый взгляд, наметились определенные сдвиги в дискуссии о российской национальной идентичности: за критикой «бездумного прозападнического либерализма» 1990-х гг. последовал консенсус внешнеполитических репрезентаций, основанный на рациональном анализе национальных интересов, более независимой по отношению к Западу политической линии. Динамика реконструкции российской национальной идентичности в постсоветский период,

как отмечают исследователи, тесно связана с отношением России к своим ближайшим географическим соседям – бывшим союзным республикам (Rebounding... 2006: 2–30). Так, в качестве свидетельства возрождения советской эстетики и «риторики дружбы народов» воспринимаются принципы отбора российских участников и исполняемых ими песен на конкурс «Евровидение», особенности организации конкурса «Новая волна» и др. (Platt 2013: 447–451; Johnson 2014: 24–25).

Однако, несмотря на внешние успехи определения роли и статуса страны в мире и строительства «новой» российской идентичности в 2000–2010-х гг., острота вопроса общенациональной самоидентификации, по мнению авторов, по-прежнему пронизывает российскую социокультурную сферу. Подобные утверждения о незавершенности процессов вызревания адекватной национальной идентичности обосновываются с привлечением нетрадиционной источниковой базы. К примеру, К. Балистрери анализирует репрезентации национальной идентичности в российской детской литературе 1990–2010-х гг. (Balistreri 2013: 9–34). Задача преодоления кризиса идентичности, вставшая перед детскими писателями в 1990-е гг., поставила под вопрос их позиции «взрослых» как наставников подрастающего поколения и «интеллектуалов» как нравственных лидеров общества. Формирование у юного читателя жизненной точки отсчета как важнейшая функция детской литературы исходит из установки, что взрослая жизнь является наиболее полным воплощением человеческого существования. О незавершенности построения собственной идентичности у авторов детской художественной литературы 2000–2010-х гг. свидетельствует отказ от данной установки в пользу противоположной повествовательной стратегии: идеализации беззаботной игры, «чуждачества» и счастливого детства как «золотой поры» человеческой жизни (Balistreri 2013: 14–22).

Коннотации напряженности, сомнения и тревоги обнаруживают, по мнению западных исследователей, многие социокультурные маркеры национальной идентичности. Выводы о до сих пор не преодоленных трудностях и незавершенности процессов формирования российской национальной идентичности строятся на основе анализа музыки и национального гимна, судьбы советского архитектурного и скульптурного наследия (Brooke 2007: 27–38; Forest, Johnson 2002: 524–528). Как не единожды было замечено в зарубежном российеведении, далеко не многие страны мира меняли свой национальный

гимн столько раз, сколько Россия. Предмет особого внимания для исследователей – судьба советского гимна в постсоветский период как свидетельство изменений, происходящих в национальной идентичности в 1990–2000-е гг. К. Брук анализирует движение от «проблемного и спутанного» чувства российской идентичности (принятие в 1993 г. бессловесного гимна на музыку М.И. Глинки) к укреплению гражданского самосознания через возврат в 2000 г. к старому гимну Советского Союза, не только позитивно и героически насыщенному, но и выполняющему функцию социального примирения благодаря трем возможным вариантам слов (Brooke 2007: 27–38).

И снова «Империя, раскинувшаяся между Западом и Востоком». Для англоязычных Russian Studies 1990–2000-х гг. общим местом является утверждение о взаимообусловленности, если не о синкретизме, национальных идентификационных практик имперской, советской и постсоветской России. Внимание исследователей сосредоточено вокруг концептов «Российская империя» и «Российская цивилизация», фигурирующих в руссиеведении как неоднозначная, но на редкость устойчивая составляющая российской национально-государственной идентичности. Отказ от исторических великодержавных традиций и особой роли России в качестве моста между Европой и Азией, произошедший в начале 1990-х гг., в долгосрочной перспективе оказался нецелесообразным (Bouveng 2010: 1–14, 256–268). Постсоветский опыт показал, что тоска по восстановлению России как великой державы, империи обладает гораздо более мощным консолидирующим импульсом, нежели набравший популярность, но все же уступающий имперскому православный дискурс. Одним из популярных источников для изучения постсоветской национальной идентичности у американских руссиеведов являются официальные заявления российских политических лидеров, Послания Президента России Федеральному Собранию, в которых авторы замечают наследие холодной войны, неудовлетворенность ее итогами (Ambrosio, Vandrovec 2013: 435–442; Bouveng 2010: 2–3; Roberts 2014: 295–313). Со второй половины 2000-х гг. внимание англоязычных Russian Studies сосредоточено на готовности россиян поддержать воссоединение с другими частями бывшего СССР (Rebounding... 2006: 2–30; Marsh 2013: 187–211).

Исторические метаморфозы российской национальной идентичности исследователи оценивают как важный индикатор социокультурных трансформаций, связанных с понятием «границы» – симво-

лом многонациональности и территориального единства (Bouveng 2010: 81–117). По мнению западных россиеведов, существенные успехи в формировании национально-государственной идентичности в начале XXI в. обусловлены целым рядом «благоприятных» факторов: относительно комфортным уровнем материального благосостояния населения и возрождением имперской риторики о бескрайних границах России на фоне политических событий 2013–2014 гг. (Engelstein 2001: 487–496; Ambrosio, Vandrovec 2013: 436–439). Ярким свидетельством отражения этих факторов в общественных настроениях является возрождение старого советского анекдота: «С какими странами граничит СССР? С какими *хочет*, с теми и граничит!», пользовавшегося популярностью во времена ввода советских войск в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968). Однако даже эффективный и доминирующий дискурс «империи как перманентного геокультурного состояния России», по мнению зарубежных авторов, не преодолевает хрупкость и незавершенность процессов формирования национальной идентичности: подчас аморфные или апатичные взгляды россиян на будущее страны, недоверие к официальным репрезентациям прошлого, разочарование коррумпированной бюрократией и правительством (Bouveng 2010: 256–260; Sperling 2014: 591–601). В этой связи британские и американские исследователи сформулировали ряд вопросов, остающихся на сегодняшний день без ответов: действительно ли имперский дискурс является неотъемлемой и «наиболее жизнеспособной» составляющей российской национальной идентичности? Или после реализации временной и компенсаторной функции в постсоветском социуме «российский мессианский дискурс» все же уйдет в прошлое?

Постсоветская национальная идентичность сквозь призму гендера. С 1990-х гг., благодаря получению доступа в архивы и появлению возможности проводить независимые социологические исследования, в сфере Russian Studies наблюдается взрывной рост интереса к проблематике взаимосвязей гендера, гражданской ответственности и империализма в постсоветской культуре. Исследователи синтезировали целостную хронологическую структуру исторических взаимосвязей гендерной и национально-государственной идентичности: 1) Революция 1917 г., политика гендерного и национального равенства в 1920-х гг.; 2) сталинизм, конструирование основ «классической» советской идентичности и советского «гендерного разрыва» в 1930–50-х гг.; 3) позднесоветский феномен «приватизации жизни»,

кризисные явления в национальной идентичности и нивелирование советского гендерного контраста в 1960–1980-х гг. (e.g. Pilkington 1996; Gender... 2006).

Еще в начале 2000-х гг. в англо-американских Russian Studies проявлялся неподдельный интерес к анализу демократических перемен в решении постсоветских гендерных вопросов. Однако уже со второй половины 2000-х гг. внимание англо-американских русистов сосредоточено преимущественно вокруг процессов «ремаскулинизации» России, создания привлекательных образов национальной мужественности. Используя определения «нового гендерного консерватизма» и «новой гендерной идеологии», авторы делают акцент на политизации гендера в России последнего десятилетия (Marsh 2013: 187–201). Современные исследования существования феминизма в условиях политического давления постулируют, что феминизм при авторитарном или тоталитарном режиме зачастую развивается подпольно как в отношении форм активности, так и в отношении способов, которыми активисты могут сформулировать свои требования. В полуавторитарных государствах феминизм «уходит внутрь государства», выдвигая более умеренные требования, чем интернациональный женский активизм. Ряд авторов указывают на маргинализацию исследований феминизма и гендерных проблем в современной России: расцвет изучения гендерной идеологии в эпоху Перестройки и постепенный упадок к 2010-м гг. Актуализации гендерных исследований как основы для анализа социально-политических процессов в постсоветской России во многом способствовало дело «Pussy Riot», вызвавшее широкий международный резонанс. По мнению зарубежных русистов, «феминистический проект Pussy Riot» является достаточным основанием для импликации западных категорий феминизма к российской действительности и пристального внимания к политической активности современных российских женщин (Sperling 2014: 591–598). Анализируя практику реконструкции российских гендерных отношений в постсоветский период, историки обращают внимание на противоречивость и незавершенность процессов формирования как гендерной, так и национальной идентичности.

Заключение. В разнотематических работах британских и американских исследователей XXI в., посвященных российской национальной идентичности, ведется активный методологический поиск. Теоретическими основаниями для изучения национальной идентично-

сти в российской истории и современности становятся междисциплинарный подход, внимание к изменениям в настроениях российского общества, рассматриваемым сквозь призму новых веяний в литературе, кинематографе, музыке. Обращение к традициям и новациям американской историографии позволяет провести комплексный анализ подходов зарубежного россиеведения к изучению российской истории и современности. Англо-американская историография представляет богатейший теоретический материал для анализа трансформаций национальной идентичности постсоветской России, причин и последствий этих изменений в социокультурной жизни страны, а материалы официальной пропаганды, публицистики и художественного творчества представляют пока еще не востребованную в научном обороте источниковую базу для изучения этих процессов.

Источники и литература

1. *Лантева Е.В.* Американское россиеведение: образ России. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та. 2004. 118 с.
2. *Шашина Е.Б.* Основные тенденции развития россиеведения в США, 1960 – начало 1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 166 с.
3. *Ambrosio T., Vandrovec G.* Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18. Issue 2. P. 435–466.
4. *Balistreri C.* At play: the construction of adulthood and authorial identity in Russian children's literature (1990–2010). Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of Exeter. 2013. 392 p.
5. *Bouveng K.R.* The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Durham University. 2010. 322 p.
6. *Brooke C.* Changing identities: the Russian and Soviet national anthems // *Slavonica*. 2007. Vol. 13, № 1. P. 27–38.
7. *Chari S., Verdery K.* Thinking between the posts: Postcolonialism, postsocialism and ethnography after the cold war // *Comparative studies in society and history*. 2009. Vol. 51. Issue 1. P. 6–34.
8. *Cracraft J., Rowland D.* Architectures of Russian identity: 1500 to the present. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 272 p.
9. *Duncan P.* Contemporary Russian identity between East and West // *Historical Journal*. 2005. Vol. 48, no. 1. P. 277–294.
10. *Engelstein L.* New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet reflections // *The Russian Review*. 2001. № 60. P. 487–496.
11. *Forest B., Johnson J.* Unraveling the threads of history: Soviet–Era monuments and Post–Soviet national identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. Vol. 92, no. 3. P. 524–547.
12. *Franklin S., Widdis E.* National identity in Russian culture: an introduction. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2006. 260 p.

13. *Gender and national identity in the twentieth century Russian culture*. Ed. by H. Gosciolo, A. Lanoux. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2006. 267 p.
14. *Johnson E.D.* A new song for a new motherland: Eurovision and the rhetoric of Post-Soviet national identity // *Russian review*. 2014. Vol. 73. Issue 1. P. 24–46.
15. *Light M.* In search of an identity: Russian foreign policy and the end of ideology // *Journal of Communist studies and transition politics*. 2003. № 19(3). P. 42–59.
16. *Marsh R.* The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet –culture // *Russian Review*. 2013. Vol. 72. Issue 2. P. 187–211.
17. *Pilkington H.* Gender, generation and identity in contemporary Russia. London; New York: Routledge, 1996. 306 p.
18. *Platt K.M.* Russian empire of pop: Post-Socialist nostalgia and Soviet retro at the "New Wave" competition // *Russian review*. 2013. Vol. 72. Issue 3. P. 447–469.
19. *Rebounding identities*. The politics of identity in Russia and Ukraine. Ed. by D. Arel, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006. 384 p.
20. *Roberts G.* Message on a bottle: packaging the Great Russian Past // *Consumption Markets and Culture*. 2014. Vol. 17, № 3. P. 295–313.
21. *Sperling V.* Russian feminist perspectives on Pussy Riot // *Nationalities Papers*. Jul. 2014. Vol. 42. Issue 4. P. 591–603.

Ageeva Vera V.

National Research Tomsk Polytechnic University
iforya@yandex.ru

«Inescapable post-socialism burden»: research in Russian national identity in English-American Russian studies of the 1990s – 2010s.

National identity of the modern Russian society has traditionally been an attractive scientific field in the western Russian studies. Throughout the 20th and 21st centuries anglophone Russian studies have accumulated a rich historiographical tradition devoted to national identification practices of Soviet and Post-Soviet Russia. In the 1990s and 2010s years, a significant number of fundamental English and American studies on Russian national identity were published. This scientific works are concerned not only with popular debating point of national, ethnical, regional and gender Russian identity, but also with comparative analysis of sociocultural representations of national identity in Soviet and Post-Soviet society. The objective of this article is to examine the main trends in studies of Russian national identity in the anglophone historiography of the end of 20th and the beginning of 21st centuries. The result of this study is an arrangement of general research approaches and an identifying of new thematic perspectives in anglo-phone studies of Russian national identity.

Keywords: national identity, Russian studies, historiography, national consciousness, the Post-Soviet space, methodology of history.

References

1. *Lapteva E.V.* *Amerikanskoe rossievedenie: obraz Rossii* [American Russian studies: Image of Russia]. Ekaterinburg, Perm': Izd-vo Ural univ-ta. 2004. 118 p.
2. *Shashina E.B.* *Osnovnye tendentsii razvitiia rossievedeniia v SShA, 1960 – nachalo 1990-kh gg. Diss... kand. ist. nauk* [The main trends of development of Russian studies in

the USA, 1960 – the beginning of 1990. Dissertation for Candidate of Historical Sciences Degree] M., 1993. 166 p.

3. Ambrosio T., Vandrovec G. Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev, *Geopolitics*, 2013, Vol. 18, Issue 2, pp. 435–466.

4. Balistreri C. *At play: the construction of adulthood and authorial identity in Russian children's literature (1990–2010)*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of Exeter. 2013. 392 p.

5. Bouveng K.R. *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Durham University. 2010. 322 p.

6. Brooke C. Changing identities: the Russian and Soviet national anthems, *Slavonica*, 2007, Vol. 13, no. 1, pp. 27–38.

7. Chari S., Verdery K. Thinking between the posts: Postcolonialism, postsocialism and ethnography after the cold war, *Comparative studies in society and history*, 2009, Vol. 51, Issue 1, pp. 6–34.

8. Cracraft J., Rowland D. *Architectures of Russian identity: 1500 to the present*. Ithaca and London: Cornell University Press. 2003. 272 p.

9. Duncan P. Contemporary Russian identity between East and West, *Historical Journal*, 2005, Vol. 48, № 1, pp. 277–294.

10. Engelstein L. New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet reflections, *The Russian Review*, 2001, № 60, pp. 487–496.

11. Forest B., Johnson J. Unraveling the threads of history: Soviet–Era monuments and Post–Soviet national identity in Moscow, *Annals of the Association of American Geographers*, 2002, Vol. 92, № 3, pp. 524–547.

12. Franklin S., Widdis E. *National identity in Russian culture: an introduction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2006. 260 p.

13. *Gender and national identity in the twentieth century Russian culture*. Ed. by H. Gosילו, A. Lanoux. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2006. 267 p.

14. Johnson E.D. A new song for a new motherland: Eurovision and the rhetoric of Post-Soviet national identity, *Russian review*, 2014, Vol. 73, Issue 1, pp. 24–46.

15. Light M. In search of an identity: Russian foreign policy and the end of ideology, *Journal of Communist studies and transition politics*, 2003, № 19(3), pp. 42–59.

16. Marsh R. The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture, *Russian Review*, 2013, Vol. 72, Issue 2, pp. 187–211.

17. Pilkington H. *Gender, generation and identity in contemporary Russia*. London, New York: Routledge, 1996. 306 p.

18. Platt K.M. Russian empire of pop: Post-Socialist nostalgia and Soviet retro at the "New Wave" competition, *Russian review*, 2013, Vol. 72, Issue 3, pp. 447–469.

19. *Rebounding identities. The politics of identity in Russia and Ukraine*. Ed. by D. Arel, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006. 384 p.

20. Roberts G. Message on a bottle: packaging the Great Russian Past, *Consumption Markets and Culture*, 2014, Vol. 17, № 3, pp. 295–313.

21. Sperling V. Russian feminist perspectives on Pussy Riot, *Nationalities Papers*, Jul. 2014, Vol. 42, Issue 4, pp. 591–603.